

КРЕПОСТЬ ТЯГИНЬ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В работе представлены новые данные о средневековой крепости Тягинь. Анализируется ее физическое состояние, особенности фортификации и рельеф, который претерпел изменения после гибели города в 1484 году. Автор приходит к выводу, что особый урон памятнику был нанесен в XIX веке, когда ее руины массово разбираются местным населением. Результаты наблюдений также указывают на то, что фортификационная система крепости может существенно отличаться от представленной ранее. Трехмерное моделирование выявило более сложную фортификационную систему как самого замка, так и прилегающей к нему территории, а именно: наличие боковых секторов и валов, огибающих его центр с западной и северо-западной сторон. Сам замок, в классическом понимании П. Гошкевича, может быть только его цитаделью или даже зданием, на что указывают его конструктивные элементы: площадь, толщина стен и т. д. Вполне вероятно, что фортификационные сооружения неоднократно перестраивались.

Ключевые слова: Тягинь, Княжество Литовское, замок, Витовт, фортификация.

Одним из наиболее примечательных мест средневековой Херсонщины является крепость Тягинь. Этот памятник, возникший в середине XIV ст., неоднократно привлекал внимание историков. С XX века здесь проводятся археологические изыскания, однако, информации о нем в научной литературе не много. Исторический контекст памятника наиболее полно представил В. Ильинский и мы не будем останавливаться на нем подробно. Ограничимся основными этапами изучения крепости и остановимся на выводах, сделанных авторами. Объектом нашего исследования является сам памятник как источник данных о средневековой истории Украины, предметом – анализ физического состояния крепости, его фортификации и строений на основе фотограмметрических замеров 2017 года. В работе охарактеризованы целостность памятника, динамика изменений и причины их появления. За содействие и оказанную помощь автор выражает признательность: В. Ильинскому, Д. Сикозе, С. Беляевой, А. Волкову, П. Данилюку, П. Петрашиной, А. Денисенко и В. Зайцеву.

История исследований и источники

Как отмечает В. Ильинский, крепость на Тягинском острове упоминается во многих источниках XV-XVIII ст. К ним относятся данные портоланов, акты и грамоты, сообщения инспекторов Польской короны, а также карты, на которых отмечено местоположение города и его название [1, с. 310]. По его мнению, одним из наиболее ранних описаний памятника является картуш-выноска на карте Томаша Маковского или «Карте Радзивила 1594 г. Великого Литовского

княжества». Напротив местоположения города Teshinsa указано: «Тут следы крепости Семимаяки. Еще в наши дни можно осмотреть стены, окружающие холм, на самом холме храм, стены которого и ныне достойны внимания» [2]. Следуя описанию, город, разрушенный турками в 1484 году, спустя век сохранился в развалинах и неплохо фиксировался на поверхности. Мы, правда, считаем, что приведенное описание относится не к Тягинке, и Семимаяки – название другого города. На карте эта надпись на латыни расположена под изображением городка на правом берегу севернее Тягинки. Ниже по течению, на одном из малых островов, отмечена едва заметная *Balneum Vitoldi* и, наконец, еще ниже – *Tehinka*. В любом случае, укрепления ее были настолько хороши, что использовались армией Миниха в 1738 году. В это время на территории замка возникает редут. Ф. Ласковский по этому поводу пишет: «Независимо от этих наступательных действий, Русские продолжали утверждаться на правом берегу Днепра, и к полевым оборонительным пунктам, возведенным в продолжение предшествовавшей компании, были прибавлены редуты (...) сверх того возобновлен древний каменный замок, лежавший при впадении р. Тягинки в Днепр» [3, с. 362]. В работе есть ссылка на выдержку из работы князя С. И. Мышецкого, изданной в 1847 году. Инженер-подпоручик, князь С. И. Мышецкий в своей «Истории о казаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся» приводит следующее описание: «При оной реке (Тягинке), у самага Днепра, имелся великой городокъ Тягинка и при немъ триугольный замокъ съ круглыми башнями, кругъ котораго водою окружило; въ длину оный городокъ верста, а въ ширину более полуверсты, у котораго фундаментъ каменный и ныне знатенъ. А построенъ тамъ отъ древнихъ нѣмецкихъ народовъ франковъ. А въ 1738 году отъ росіянъ оный замокъ былъ возобновленъ».

В 1788 году небольшое упоминание о крепости оставляет французский атташе и историк Жан-Бенуа Шерер. Он пишет: «Річка Тягинка за 26 верст від одного з тих міст, вона бере початок у степу і впадає у Дніпро за 23 версти від свого джерела. При самому її гирлі стояло велике місто Тягник, а біля міста – трикутна фортеця з круглою вежею, оточеною з усіх боків водою. Ця фортеця, яку нібито спорудили давні франки, мала одну версту завдовжки й півверсти завширшки. Її кам'яні фундаменти збереглися до наших днів. 1738 року росіяни відновили її» [5, с. 36]. Как видно, описания практически совпадают, скорее всего Шерер мог и не видеть крепости, ограничившись цитатой из книги Мышецкого. При этом он допускает ошибку, указывая, что длину в одну версту и ширину в полверсты имела именно крепость, а не сам городок, внутри которого она находилась. На их основании этих фрагментов становится понятно, что каменные фундаменты города продолжали существовать и в первой половине XVIII века, причем располагались они не только в замковой части, но и в других местах острова.

Интересные заметки о городе оставил Афанасьев-Чужбинский. Путешествуя по Днепру в 1856–1860 годах, он посетил и Тягинку. В заметках Афанасьева-Чужбинского нет данных о фортификации, он лишь отмечает, что,

возможно с юга и востока городище имело каменные стены. С этой стороны, несмотря на «розробку острова» он видел множество камня и битой керамики. Путешественник обращает внимание на большое количество западин с юго-восточной стороны острова. Двигаясь на запад, он упоминает «високий курган», который, согласно местной легенде, является остатками языческого храма. Курган был перерезан траншей, направленной в сторону села. Из воспоминаний местного сторожила следовало, что в начале XIX века здесь еще можно было видеть остатки стен. К сожалению, в XIX столетии большинство построек было разобрано местными жителями. *«Що знайшли під час цих розкопок, залишилося таємницею внаслідок загальної у нас неповаги до пам'яток старовини»* подводит итог автор [6, с. 358].

О высоком кургане на одном из тягинских островов упоминает и Д. Яворницкий [7, с. 138]. В другой своей работе он пишет о развалинах «городка» длиной в 200 сажень в юго-восточной части острова.

Из всего вышесказанного следует, что на протяжении нескольких столетий после своего падения город пребывал в полуразрушенном состоянии, часть построек сохранилась в виде стен и дверных проемов. Фортификация не была уничтожена и даже использовалась армией Миниха 300 лет спустя. С начала XIX столетия ситуация меняется, здания и стены укреплений разбираются для строительства села, но основания стен и валы сохраняют свое положение и хорошо заметны на поверхности. В таком виде их и застали первые археологи, а именно В. Гошкевич.

В 1914 году благодаря помощи тогдашнего владельца острова Н. Волохина он приступает к раскопкам. В Летописи Херсонского городского музея появляется подробное описание памятника и самого острова. В. Гошкевич пишет: *«Еще в начале XIX столетия, по словам старожил, стояли на том острове каменные стены старинных зданий. Их ломали и увозили на новые постройки. Так сооружена была в Тягинке церковь с колокольней, помещичий дом, все экономические службы и множество крестьянских домов. Развалины были так обильны камнем, что в течение целого столетия этой разрушительной работы окрестным жителям удалось уничтожить только те части старинных зданий, что возвышались над землей; в последние годы разрушителям пришлось заняться более трудной работой: раскопкой бугров вековой пыли, скрывшей низы тех зданий»* [9, с. 2]. Очевидно, в это время у Н. Волохина и возникла идея привлечь археологов.

Руководитель раскопок достаточно скрупулезно описывает памятник. Он выделяет несколько объектов, среди которых в южной части острова: А-образное укрепление замка, городище в виде трапеции, связанное с первым валом, насыпанным по высокому краю берега со стороны Днепра, а также два «курганобразных возвышения» насыщенных камнем и битым кирпичом в его западной части [9, с. 3]. Интересно, что исследователь не упоминает два боковых сектора А-образного укрепления, расположенных с обеих сторон от стен.

В 1914 году он успевает раскопать только центральную квадратную башню и участок между стенами, которые были обозначены литерами В и С. Балласт

между башней, стенами и перемышкой Д полностью убран не был [9, с. 12]. В ходе раскопок он обнажил стены замка, фундаменты двух построек и даже подземный ход, выходящий в ров под стеной С. Стены квадратной башни, равно как и стены В и С, оказались сложенными из местного известнякового камня на таком же растворе, в среднем их толщина составила 80 см. В работе были опубликованы пять профилей крепости [9, с. 4].

В заключении В. Гошкевич датирует замок периодом между XIV–XVI ст. и соотносит его с *Balneum Vitoldi* или Витовтовой баней, как она значится в документах. Он отмечает, что «баня», видимо, была таможней, основанной по распоряжению князя Витовта. Просуществовала она не долго и, судя по находкам каменных ядер, следам пожарища и не погребенным скелетам, окончила свой век при весьма драматических обстоятельствах. Кроме средневекового материала на памятнике есть и находки греко-римского периода [9, с. 11]. Раскопки предполагалось продолжить в 1915 году, однако «...по недостатку рабочих мысль эта была оставлена». Будем надеяться на близость лучших времен!», подытожил исследователь [9, с. 12].

Лучшие времена наступили через 30 лет. В 1946 г. сотрудник херсонского музея Н. М. Дмитренко проводит здесь свою разведку. К сожалению, каких-либо данных об этих работах у нас нет [14, с. 4].

Далее, в 1977 году «полноценное обследование острова и его окрестностей» провели М. Абикулова и М. Оленковский [10, с. 16]. Работы были выполнены 9 и 10 июля. На острове собран немногочисленный подъемный материал: кроме фрагментов античной керамики обнаружено средневековое шиферное пряслице уплощенной формы. В конце абзаца, посвященного памятнику, М. Абикулова пишет о необходимости дальнейшего исследования острова [11, с. 14].

Еще через 14 лет разведки, а затем и раскопки на острове проводит С. Бахматов. «Указанные работы имели своей целью начать изучение лишь теоретически известных археологических объектов острова». Из отмеченных Гошкевичем курганоподобных возвышений он фиксирует только возвышение под номером 2. Бахматов закладывает два небольших раскопа, из которых первый, в виде траншеи, на возвышении №2 и второй на территории трапезиевидного укрепления в южной части острова [12, с. 1]. В первом случае он исследует постройку, которая вероятно имела оборонительно-дозорные функции. По его мнению, это здание, или башня, могла быть сожжена Иваном Сирко или Семеном Палием в последней четверти XVII века. Каких-либо значимых находок в траншее сделать не удалось [12, с. 4]. Учитывая данные Афнасьева-Чужбинского, траншея появилась здесь гораздо раньше, поэтому С. Бахматов, очевидно, обновил ее. Во втором случае он раскапывает участок вала и пристенную территорию городища, где обнаружили предметы античного времени и керамика, близкая материалам XIV ст. из Хорезма и Сарай-Берке. Автор оставляет открытым вопрос с датировкой позднего горизонта, отмечая, что исследования в южной части острова стоит продолжить [12, с. 8].

В сентябре 2009 года раскопки проводит В. Ильинский. Он закладывает 6 траншей и шурфов в разных частях острова. Еще одним направлением исследований были поиски подземного хода с северной стороны острова, которые, впрочем, не увенчались успехом. В раскопах также встречены следы пожарищ и несколько горизонтов скифского, позднескифского, римского и средневекового времени. Первые три были связаны с жизнедеятельностью трапезиевидного городища. К этому же времени, вероятно, относилась и каменная вымостка к северо-востоку от курганоподобного возвышения. Тогда же по всей территории острова он встречает фрагменты каменных надгробий с резьбой, узорами и крестами, относящимися, по его словам, к гарнизону замка [13, с. 24-33]. Следует отметить, что на острове действительно встречено большое количество битого камня, однако следы на их поверхности не четкие и могут датироваться любым временем. Следов погребений, подтверждающих версию могильника, обнаружено не было.

В 2010 году он возобновил исследования. В это время были заложены 4 раскопа и 3 траншеи. Площадь раскопов составила 220 кв. м [14, с. 5]. Он продолжает поиски могильника в западной части острова, расширены раскопки северной фортификационной линии городища, где заложена одна новая и расширена старая траншея. Ильинский приходит к выводу о четырехкратном использовании городища и восстановлении его фортификации в скифское, позднескифское, раннесредневековое и позднесредневековое время [14, с. 12]. Небольшой раскоп (№3) был заложен и на территории замка. Он обращает внимание на вмурованный в стену фрагмент раннемусульманского надгробия, из чего делает вывод о немусульманском происхождении крепости [14, с. 17]. В северной части расширен раскоп №5 2009 года. Его целью были поиски стен сооружения. Как оказалось, последние были сложены из плинфы XIV–XVI ст. Кроме них, в северной части острова были расширены раскопки у шурфа №6 2009 года (теперь траншеи №8, 9), где найдены следы каменной вымостки вероятно античного периода [14, с. 21].

В 2016 и 2017 году работы на территории городища и в районе курганоподобной насыпи, где В. Ильинским были обнаружены развалы стен, продолжила С. Беяева и К. Гуленко.

Добавим, что в 1983 году памятник был взят под охрану. Тогда же, благодаря стараниям М. Оленковского, на острове прекращены сельскохозяйственные работы. С 2001 года о. Тягинь становится археологическим памятником национального значения [15, с. 36-37].

Планиграфия памятника

На острове, включая раскопы, 108 аномалий. Из них 68 в юго-восточной части, на территории замка и городища. Также отмечено 36 мест, где на поверхности встречены обломки известняка.

Участок городища покрыт разнотравьем. Повсеместно наблюдается поросль небольших деревьев и кустарник, поверхность внутри укрепления неровная. В центральной части прослежено несколько западин и траншей (точки №№690-694) разного размера и конфигурации. Часть вытянута в линию вдоль

обрывистого склона южной части городища. Установить время появления сложно. Можно предположить, что, за исключением траншеи №691, это остатки жилых помещений, частично разрушенных добытчиками камня в XIX веке.

В южной части находится зигзагообразная траншея №№686, 687, 689, с центральным сегментом длиной 11 м и двумя, примыкающими с торцов в разные стороны. С южной стороны заметен шурф 3x1 м (№688). С севера возле траншеи – раскоп С. Беляевой, заложенный в 2016 году.

К востоку стена укрепления делает резкий поворот на юг. С внутренней стороны видны западины: №670-672, а в том месте, где стена делает поворот, расположен раскоп С. Бахматова 1992 года. К югу него есть две западины №673 и 674. Последняя – очевидно раскоп, прорезающий южный вал городища. Время его возникновения нам не известно. Еще восточнее хорошо заметна длинная траншея, пролегающая вдоль восточного вала (Точки №№669-685). Ее длина – не менее 12 м при ширине в 1 м. Объект интересен четырьмя прирезками с восточной стороны, пересекающими ров городища (№№669, 679-681). У северной оконечности траншеи видна еще одна (№683) 8x2 м и шурф 4x2 м, ориентированный по линии север-юг. С внешней стороны восточного вала городища вдоль обрывистого склона видны два понижения (№685). Первое 10x5 м ориентировано вдоль склона, второе – 5x4 м прорезает вал на кромке обрыва.

К сожалению, происхождение большинства аномалий в восточной части городища остается неизвестным. Внешний вид объектов, а также логика расположения указывают на то, что появились они в результате исследований и не связаны с добычей известняка в XIX столетии.

В 15 метрах к северу от западины №690 в 2009 и 2010 годах В. Ильинским были заложены две траншеи, перерезающие вал и ров. Несколько западнее траншей от внешнего рва в сторону замка отходит еще один ров. Он тянется в северо-восточном направлении, обходя замок с севера. Его глубина постепенно уменьшается. Вполне вероятно, что на каком-то участке ров был засыпан, а стена, объединяющая два укрепления, разрушена. Примерно в 50 м от своего начала ров и едва заметное возвышение стены прерываются, образуя узкий проход. На этом участке можно заметить овальную западину №697, а у западной оконечности замка с квадратной башней обширное понижение №698, расположенное с внутренней стороны стены. Возможно, здесь мы имеем дело с остатками еще одной башни, и это требует подтверждения.

Пространство между замком и городищем примечательно несколькими объектами: неглубокой западиной №701 в центральной части, траншеей №703 и участком старой дороги в виде слабо заметной ложбины между точками 574 и 700.

Двигаясь в северо-западном направлении от городища и пройдя 50 м по грунтовой дороге, огибающей остров с юга, мы видим шесть хорошо читаемых западин (это точки №№721-726). Их размеры разнятся от 7x5 до 5x4 м. Это могут быть следы обособленного лагеря, но определить время его появления без дополнительных исследований сложно. В 2009 году рядом был заложен шурф.

В юго-западной части острова можно отметить два ряда современных шурфов, ориентированных в северо-восточном направлении (точка 616), и раскоп В. Ильинского 2010 года в 20 м к югу от заезда на остров с западной стороны.

Наиболее насыщенным местом является территория замка. Поверхность здесь изобилует следами раскопок, траншей, рывин и западин, наслаивающихся на остатки стен, фундаменты построек и башен. Эти объекты появились на поверхности в разное время. Некоторые из них имеют отношение к научным изысканиям, а некоторые к жизнедеятельности самого памятника. Количество относительно недавних аномалий на поверхности насчитывает 45 единиц. Наиболее крупные – траншеи Гошкевича 1914 года. Они закладывались вдоль стен замка, поэтому их общая конфигурация сопоставима с конфигурацией стен и рвов. В общей сложности сохранились следы 7 траншей и их ответвлений. Так, траншея А вдоль северной стены замка с внешней стороны имела длину 67 м при ширине до 3 м. С северо-западной стороны она заканчивается у квадратной башни и плавно переходит в ров. Здесь же фиксируем небольшую прирезку с южной стороны. Сама башня была раскопана полностью, поэтому на ее месте сохранился раскоп с неровными краями и кучами отвалов внутри. Из раскопов в юго-восточном направлении проложены две траншеи. Северная (траншея В) имеет длину 27 м при ширине 3 м и южная (траншея С), которая доходит до юго-западного угла укрепления, обозначенного под литерой «Н». Ее размеры 49х2 (южнее до 3) м. Последняя (траншея D) прорезает укрепление «Н» у северо-западного угла.

На самой территории замка присутствуют еще три траншеи. Первая (траншея G) продолжает длинную южную траншею С и находится во рву с юга от укрепления «Н». Участок вала напротив нее разобран. Западная оконечность траншеи упирается в перпендикулярный отрезок, пересекающий ров и вал укрепления «Н». С северной стороны отрезок заканчивается небольшим квадратным раскопом. Длина траншеи – 24 м, перпендикулярного отрезка – 21 м. Ширина обеих – 2 м. Еще две траншеи находятся на участке между укреплением «Н» и квадратной башней. Обе прорезают вышеописанные траншеи в перпендикулярной проекции. Очевидно, они появились позже. Первая из них 29х2 м (траншея Е) с юго-востока от башни на участке простенка «Д». Вторая (траншея F) была заложена вдоль того же простенка, но с другой стороны. Ее размеры – 23х2 м. Обратим внимание, что траншеи G, D, E, F и, частично, С, находятся в тех местах, где на плане исследователя отмечены сечения укреплений.

Описанное выше проливает свет на методику исследований тех лет и первоочередные задачи. Раскопы практически не коснулись укрепления «Н», поэтому о нем в отчете есть только упоминания.

Кроме траншей, в замке есть много рывин и западин. Две небольшие продольные рывины присутствуют с южной стороны башни и частично прорезают ее контур. Эти аномалии появились позже траншей Гошкевича и могут быть связаны как со временем разборки замка, так и с годами Второй

Мировой войны. Выделим группу близких по размеру объектов внутри укрепления «Н». Внешне они напоминают землянки XVIII века и могут быть лагерем солдат Миниха (точки №№561-565). Западины расположены в северной части укрепления и имеют близкие размеры – 6х4 м. В 5 м на запад от западины 565 видны следы небольшого современного шурфа 1х1 м, а к западу от основной группы, находится западина №560. Ее размеры 4х3 м.

С внешней северной стороны от укрепления «Н» присутствует еще четыре западины, которые могут быть как землянками, так и следами добычи камня. Они вытянуты вдоль рва, имеют замытые кромки и следы отвалов. Это западины №547-550. Их размеры от 6х4 до 3х2 м. На этом же участке у северо-восточного угла замка есть продолговатая заплывшая выемка, напоминающая окоп 1941–1943 гг. (точки 594-595). В 15 метрах к северу от него за грунтовой дорогой находится большая округлая западина 6х6 м (точка 599). Объект, вероятно, был помещением. Восточнее, наискось через обрывистую кромку плато с севера на юг, проходит ложбина старой дороги.

Группа аномалий фиксируется и в районе квадратной башни. В 10 м восточнее от нее расположен холм, бывший остатками какого-то строения. В нем хорошо видны две прямоугольные выборки (точки 606 и 607) размерами 5х1 м и с противоположной стороны два небольших шурфа 2х1 м (точка 596) и 4х2 м (точка 598).

К северу от замка есть объект, получивший название «северная башня». Это квадратное строение с валами шириной до 2, а с западной стороны и до 3 м. С востока и юга видны два прохода шириной до 2 метров. Северная часть объекта исследовалась, на что указывают два раскопа: 5х4 м (точка 731) и 3х2 м (точка 730). С противоположной стороны к большему раскопу примыкает шурф 2х1 м (точка 728). Западнее от «северной башни» видна западина 4х4 м (точка 729). В 2009 году к востоку от башни было заложено еще два шурфа. Далее на восток можно заметить два объекта, хорошо читаемые на поверхности. Это траншея, идущая вдоль восточного склона острова и следы бесформенных раскопок к западу от нее. Первая имеет правильную прямоугольную форму 10х3 м (точка 599), вторая выглядит как две бесформенные рытвины с кучами отвалов по краям (точка 602).

С южной стороны замка насчитывается не менее 14 аномалий, которые можно разделить на две группы. Первая (точки №№582, 585, 588-590, 592) – крупные бесформенные понижения ближе к юго-западной стене замка (у Гошкевича это стена С) и небольшие прямоугольные выемки, вытянутые с севера на юг от квадратной башни к кромке плато. Происхождение объектов первой группы до конца не ясно, но появились они, видимо, как в результате несистемных исследований или добычи камня, так и в годы Второй Мировой войны.

Вторая группа более упорядочена, но, прежде чем перейти к ее описанию, выделим особенности рельефа, о которых не упоминалось ранее. Речь идет о наличии второго внешнего рва и контрэскарпа к юго-западу от стены С. Участок между двумя рвами, как раз и занятый аномалиями первой группы, равен

площади самого замка между стенами С, В и квадратной башней. Фактически, она образует еще один самостоятельный сектор, но без остатков стены. Нечто подобное, но в меньшей степени мы наблюдаем и с противоположной северной стороны. Таким образом, изначально замок выглядел не как замочная скважина, а как треугольник, разделенный на три равных по площади сектора, сходящихся у квадратной башни. При этом, и сама квадратная башня и раскопанные Гошкевичем стены В и С могли быть одним зданием или цитаделью. В контексте сказанного, общей особенностью объектов второй группы (точки №№573-580) является то, что все они, несмотря на разницу в размерах, имеют более четкие формы и расположены в линию на едва заметном возвышении с внешней стороны второго рва. Позиция объектов второй группы указывают на определенную последовательность их появления. Они могли возникнуть при разборке каменных укреплений или же являются следами военного лагеря.

Оставшиеся неназванными следы раскопок находятся в северной части острова. Это не менее шести шурфов В. Ильинского 2010 года. Один к югу от мемориальной стелы на обрывистом краю, два у склона с северной стороны и три (точки 735-737) на участке с каменной кладкой, в 20 м на северо-восток от возвышения, которое исследовали С. Бахматов, В. Ильинский и С. Беляева.

На самом возвышении от раскопок С. Бахматова сохранилась траншея 12х1.5 м, ориентированная с севера на юг и проложенная через середину холма. В 2009–2010 годах с восточной стороны к ней был прирезан прямоугольный раскоп В. Ильинского, а чуть позднее с западной – раскоп С. Беляевой. Между раскопом В. Ильинского и траншеей в центральной части – следы шурфа 2х1 м, заложенного по линии запад-восток. Кроме раскопов, у холма есть и другие особенности. Это две большие округлые ямы, из которых первая (точка 739) примерно 11х8 м с понижением в центральной части до 1.6 м и вторая, (точка 738) меньшая – 5х4 м с глубиной от современной поверхности до одного метра. Еще одна яма 3х2 м находится на южном склоне (точка 642). Точное время появления западин неизвестно.

В 50 метрах к северу от первого холма на северо-западном мысу острова находится еще один объект, который, вероятно, обозначен у Гошкевича как возвышение №1. Это остатки квадратного сооружения (точка 623). Примерные размеры внутреннего пространства – 10х10 м, внутри две рывины 3х2 и 3х3 м. Размеры сооружения и его форма близки квадратной башне замка, поэтому они могут быть синхронны.

Двигаясь на восток вдоль обрывистого берега в 145 м от холма можно увидеть одиночную прямоугольную яму 5х3 м с заплывшими краями (точка 717) и длинный, до 30 метров, зигзагообразный окоп с землянкой 1941–1943 гг. у северо-восточной оконечности острова.

Фортификация

Системное изучение укреплений острова начинается только в XX столетии. Из более ранних упоминаний следует, что город Тягинка занимал весь остров и что здесь же находился треугольный замок с круглыми башнями (по Мышецкому) или только одной круглой башней (по Шереру). Очевидно, что

стены замка у их основания, а также часть построек можно было видеть вплоть до XIX столетия, когда их стали разбирать жители села Тягинка.

Первым описание укреплений Тягинки оставил В. Гошкевич. Он указывает на два укрепления, трапециевидное и треугольное с перемычкой в виде буквы А. Кроме того, оба укрепления с южной стороны были прикрыты валом, идущим вдоль всей южной окраины острова [9, с. 3]. Сконцентрировав свое внимание на стенах замка, он изучает конструкцию стен и публикует пять разрезов. Следуя его схеме, замок имел треугольную форму и состоял из трех частей: квадратного здания или башни *«в остром углу треугольника»*, средней части со стенами такой же толщины в 80 см, перемычкой и подземным ходом, а также земляного укрепления «Н», выходящего на обрывистый берег с мощением внутреннего скоса вала и рва. В. Гошкевич пишет, что найденный им подземный ход выходит во внешний ров, следовательно, замок воспринимается им как треугольник. В то же время он обращает внимание на следы перестройки и частичной разборки стен [9, с. 6]. Несмотря на то, что автор ничего не пишет об этом, на его плане примечательна форма укрепления «Н». Его юго-восточный фас не выражен, а обе стены здесь имеют поворот в северном направлении.

О трапециевидном городище В. Гошкевич практически не пишет, но его описание оставил С. Бахматов. Он также обращает внимание на южную стену, идущую вдоль склона острова и выступающую над поверхностью. По его данным ее ширина достигает 0.8–1 м. Длина южной стены, составляющей основание городища – 156 м. Остальные валы имели следующие размеры: западный вал – 50 м, восточный – 47 м, северный – 130 м. При этом, северный вал и ров оказались наиболее мощными. Ширина северного рва по верхней кромке достигала 4 м, по нижней – 2.2 м. В то же время остальные рвы были почти вдвое меньше – 2 на 1.3-1.4 м. Строго говоря, городище имеет не трапециевидную, а пятиугольную форму с неравными сторонами. Его северо-западный фас действительно близок 50 м, затем следует не прямая, а кривая линия, состоящая из северного фаса длиной 63 м, северо-восточного фаса – 76 м и восточного, длина которого близка указанной С. Бахматовым. Внутри городища С. Бахматов фиксирует *«воронкообразные углубления»* и *«небольшие всхолмления, отражающие различный уровень скрытых культурных слоев»*) [12, с. 5]. Примечательно, что и В. Гошкевич и С. Бахматов показывают на своих планах валовидное ответвление, идущее от городища к северной башне замка, однако не упоминают об этом в тексте.

В 2009 году на основании археологической разведки В. Ильинский усматривает наличие вала не только с юга, но по всему периметру острова вдоль обрывистого края в 3-5 метрах от кромки. Его средняя высота ровнялась 0.2 м и характеризовалась наличием обломков камня и дресвы на поверхности. Разрезав вал траншеей №5, он обнаружил кладку в три ряда камней шириной 0.25-0.5 м на глинисто-илистом растворе. Со стороны обрыва к кладке примыкал ров глубиной до 1 м с остатками кольев или столбов [13, с. 21, 28, 29]. По нашим наблюдениям в юго-западной части южный вал у основания имеет ширину до 7 м с высотой до 0.8 м. Сразу за ним можно наблюдать ров, ширина которого по

верхней кромке доходит до 5 м, а глубина до 1 м. Вероятно, ров появился в результате выборки грунта для южного вала.

В районе укрепления «Н» вал мог быть достроен. Здесь его ширина достигает 4 м при высоте у южного угла до 1 м и у северного до 1.8 м.

Кроме вала В. Ильинский первым увязывает оба городища в единый комплекс и значительно расширяет общие размеры укреплений до 400 м с запада на восток и до 200 м с севера на юг. Участок площадью в 8 гектар, по его мнению, был опоясан двумя рядами валов высотой до 1.5 м и рвов такой же глубины. Он отмечает остатки стен и не менее 8 западин прямоугольной формы вдоль южного вала трапециевидного городища.

Съемка 2017 года позволяют не только подтвердить, но и дополнить эти наблюдения. Оборонительная система в южной части острова действительно образует единую систему. Соединительный вал между городищем (трапеция или пятиугольник) и замком отходит от северного фаса городища на северо-восток и на расстоянии 20 м поворачивает восточнее, переходя в ломаную линию, пересекающую весь остров. Протяженность прямого участка достигает 170 м, за ним у квадратной башни следует излом с легким поворотом вала в северном направлении. Далее, еще через 32 м, он выравнивается и на протяжении оставшихся 110 м следует к обрыву параллельно первому отрезку. Очевидно, упомянутая выше «северная башня», исследованная в 2010 году, была одним из элементов этой линии. Своим северо-восточным концом вал выходит к обрывистому восточному берегу острова. Замок и пространство между двумя укреплениями, таким образом, были прикрыты с северной стороны. Визуально вал фиксируется до квадратной башни. Его основание имеет ширину до 5 м при высоте до 0.3 м. Далее он практически не заметен глазу, но хорошо виден на ортофотоплане в виде светлой линии. В 43 м от места поворота на северо-восток линия имела въезд, оформленный в виде узкого прохода между оконечностями валами. При этом восточная оконечность перекрывала западную, обходя ее с северной стороны. От городища до въезда вдоль вала с севера заметна западина рва шириной до 2 м и глубиной до 0.4 м. Сам вал здесь несколько выше до 0.4 м и уже до 4 м в основании. Не удивительно, что именно этот участок фиксировали на своих планах все исследователи, начиная с В. Гошкевича.

Примечательна и вторая линия, отстоящая от первой к северу на расстоянии 50 метров. Она имеет правильную трапециевидную форму и три фаса. Из них западный – 70 м, северо-западный – 154 м и северо-восточный – 68 м. Западный фас выходит из угла между северо-западным и северным валами городища в 50 м от обрывистого берега. Здесь ширина вала у основания доходит до 5 м при высоте до 0.3 м. Затем, после поворота, мы наблюдаем прямую линию второго фаса. Вал становится выше до 0.4 м и уже, в некоторых местах не шире 2 метров. Он заканчивается в точке, расположенной в 60 м к северу от квадратной башни замка. Из этого описания следует, что вторая линия являлась первым внешним рубежом обороны с северной стороны и в своем основании оканчивалась первой линией, закрывающей все пространство между городищем и замком. Эти

укрепления могли быть скрыты и поэтому слабо различимы на поверхности в наше время.

На трехмерной модели участка между городищем и замком четко прослеживаются еще два валовидных возвышения, параллельных описанным выше линиям. Они отстоят друг от друга на расстоянии 27 м и едва видны. Возвышения строго перпендикулярны крайнему южному фасу замка. Длина западного составляет 115 м, восточного 95 м. Являются ли они остатками укреплений или появились в результате хозяйственной деятельности пока сказать сложно.

Как уже было отмечено выше, замок по нашим наблюдениям имел более сложную форму, нежели считалось ранее. Он был не А-образный, а состоял из трех примерно равных секторов вершиной которых выступала квадратная башня. Общая площадь замка составляла 6833 кв. м, что сопоставимо с Ковенским (7629 кв. м), Кревским (7808 кв. м), Лидским (6631 кв. м.) и Верхним Виленским замком (5286 кв. м). Площадь А-образного укрепления едва достигала 2788 кв. м. С противоположной восточной стороны 4 оборонительные линии выходили к обрывистому берегу. Северный сектор, видимо, имел въезд, сохранившийся в виде узкой ложбины по диагонали, пересекающей обрывистый склон. Здесь же могла находиться еще одна оборонительная башня (точка 599). Археологические раскопки на участке не проводились, поэтому о конструкции внешних оборонительных линий замка судить сложно.

На то, что квадратная башня и прилегающие к ней стены могли быть одним зданием, возможно донжоном, указывает толщина стен, равная 0.8 м. Этого явно недостаточно для внешней оборонительной линии. Известно, что минимальная толщина внешней торцевой стены Лидского замка равнялась 1.5 м, а в остальных случаях – 2 м. Толщина стен Медницкого замка достигала 1.8–1.9 м, Новогрудского от 1.7 до 3.1 м, Ковенского – 2.5 м, Кревского – 2.5–3 м, Тракайского – 3.5 м.

Первым о «*курганах*» на острове упоминает в середине XIX века О. Афанасьев-Чужбинский, связывая один из них с остатками древнего храма. У В. Гошкевича находим короткую заметку сразу о двух возвышениях в западной части острова [9, с. 3]. Затем С. Бахматов упоминает о холме №2 по плану В. Гошкевича, который и начинает исследовать. «*Сколько-нибудь заметных*» следов возвышения №1 его разведка не выявила и это странно, так как данный объект существует (описанная выше точка 623). Возвышение №2, согласно описаниям С. Бахматова, имело овальную форму и было вытянуто с севера на юг на 27 м и на 23 м с запада на восток. Высота холма от современной поверхности достигала 1.2 м, северный склон отличался крутизной. В центральной части насыпи археолог фиксирует яму, отчасти нарушившую культурный слой. Несмотря на то, что поверхность памятника описывается как плавная, стратиграфия показала сильные перемещения грунта в верхних слоях. Это могло произойти во время планировки в 70-х годах XX века [12, с. 2]. У В. Ильинского габариты объекта несколько отличаются. Он указывает, что высота холма достигает 1.8 м с диаметром у основания – 14 м. В отличие от

С. Бахматова, трактуя сооружение как дозорно-сторожевую башню, В. Ильинский усматривает в нем остатки храма [13, с. 30]. Съемка 2017 года выявила, что холм имеет достаточно сложную форму, поэтому его габариты так разнятся у исследователей. Наши замеры оказались близкими к замерам С. Бахматова с той только разницей, что максимальная высота объекта составила 1.48 м. Его северная пола имеет подквадратную форму, с юга она более овальная и не такая высокая. Естественно, на очертания холма повлияло наличие отвалов, оставшихся после исследований.

Еще одним интересным объектом, впервые описанным В. Ильинским, являются остатки каменного сооружения прямоугольной формы 57х8 м, вытянутой с запада юго-запада на восток северо-восток. Объект расположен в 20 метрах от возвышенности №2 и определен как следы усадьбы раннеэллинистического времени [14, с. 4]. В отчете В. Ильинского, правда, указаны не совсем точные размеры объекта – 18х45 м [13, с. 31].

Выводы

1. Как следует из источников, несколько столетий после своего падения город пребывал в полуразрушенном состоянии. Часть построек сохранилась в виде стен и дверных проемов. Сохранилась и фортификация. С начала XIX столетия ситуация резко ухудшается – здания и стены укреплений начинают разбирать для строительства села Тягинки. Основания стен и валы сохраняют свое положение и все еще заметны на поверхности.

2. Систематические исследования начинаются в XX столетии, когда В. Гошкевич выделяет на территории острова несколько самостоятельных разновременных объектов. Работы С. Бахматова и В. Ильинского существенно расширяют представление о памятнике. Последний приходит к выводу о том, что фортификация городка несколько раз перестраивалась, в результате чего появились новые укрепления в его юго-восточной части. Возвышение №2 оказалось остатками отдельного сооружения средневекового времени. Однако мнения о его назначении расходятся.

3. На основании ортофотосъемки в 2017 году было зафиксировано не менее 108 аномалий, из которых 68 располагались на территории замка и городища. Все эти аномалии могут быть разделены на следы помещений, остатки раскопов и траншей XX века, позиции Второй Мировой войны, рывины добытчиков камня и ямы, появление которых пока не ясно. Также отмечено и 36 мест, где на поверхности встречены обломки известняка.

4. Согласно нашим наблюдениям, замок имел не А-образную форму, а состоял из трех примерно равных по площади секторов, вершиной которых выступала квадратная башня. Все четыре оборонительные линии выходили к обрывистому берегу. Северный сектор имел въезд, сохранившийся в виде узкой ложбины, пересекающей обрывистый склон. Здесь же могла находиться еще одна оборонительная башня (точка 599). С севера и запада к замку примыкало еще несколько валов, соединяющих его с трапециевидным городищем. Они могли возникнуть в результате многократной реконструкции, отмеченной В. Ильинским. Кроме квадратной башни замка на острове, видимо,

Кобалия Дмитрий Крепость Тягинь и ее современное состояние ...

существовали еще две – это так называемая «северная» башня и возвышение в северо-западной части острова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильинский В. Е. Город Тягинь – Семимаяк на Таванской переправе (историческая справка) / В. Е. Ильинский // Заповідна Хортиця. Матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції «Історія Запорозького козацтва : в пам'ятках та музейній практиці. – Запоріжжя, 2010. – С. 308–313.
2. Маковский Т. Борисфенський шлях з двох частин. И. Блау, грав. Г. Герріц. Амстердам, 1643.
3. Ласковский Ф. Материалы по истории инженерного искусства в России / Федор Федорович Ласковский / Ф. Ласковский. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1865. – 315 с.
4. Мышецкий С. И. История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачались и откуда свое происхождение имеют и в каком состоянии ныне находятся / Семен Иванович Мышецкий. – Москва, Университетская типография, 1847.
5. Шерер Ж.-Б. Літопис Малоросії, або історія козаків-запорозжців / Жан Бенуа Шерер. – Київ, «Український письменник», 1994. – С. 36.
6. Афанасьєв-Чужбинський О. С. Нариси Дніпра / Олександр Степанович Афанасьєв-Чужбинський. – Львів, 2016.
7. Яворницкий Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа / Дмитрий Иванович Яворницкий. – Часть II. – СПб, 1888.
8. Эварницкий Д. И. Вольности запорожских казаков / Дмитрий Иванович Яворницкий. – СПб, 1890.
9. Летопись музея за 1914 год с иллюстрациями / [ред. В. И. Гошкевич]. Вып. 6. – Херсон : Тип. С. Н. Ольховикова и С. А. Ходушина, 1916.
10. Оленковський М. П. Археологічні пам'ятки Бериславського району Херсонської області / Микола Петрович Оленковський. – Херсон, Атлант, 2007.
11. Абикулова М. И. Отчет о полевых археологических работах на территории Херсонской области в 1977 году. Херсон / М. И. Абикулова // Научный архив института археологии НАНУ №1977/140.
12. Бахматов С. В. Отчет об археологических раскопках на о. Тягин, с. Тягинка, Бериславского района Херсонской области. Херсон 1992. – 1992/184 / С. В. Бахматова // Науковий архив Інституту археології АН УРСР №25160.
13. Ильинский В. Е. Отчет о работе археологической экспедиции Национального заповідника «Хортиця» на Каменской Сечи и о. Тягинь (Бериславского района, Херсонской области) по открытым листам №330/003594 от 23.06.2009 г. – Запорожье, 2010 г. // Научный архив НЗХ №679.
14. Ільїнський В. Є., Кобалія Д. Р. Звіт про археологічні дослідження на о. Тягинь (Бериславський район, Херсонська обл.), 2011 г. – Запоріжжя, 2011 // Науковий архив НЗХ №776.
15. Оленковский М. П. Сім історичних чудес Херсонщини / Микола Петрович Оленковський. – Херсон, 2010.

У роботі представлені нові дані про середньовічну пам'ятку Тягинь. Аналізується її фізичний стан, особливості фортифікації та рельєф, що зазнав змін після загибелі міста у 1484 році. Автор приходить до висновку, що найбільшої шкоди пам'ятці було завдано у XIX столітті, коли її руїни масово розбираються місцевим населенням. Результати спостережень також вказують на те, що фортифікаційна система фортеці може істотно відрізнятися від запропонованої раніше. Тримірне моделювання виявило більш складну фортифікаційну систему як самого замку, так і прилеглої до нього території, а саме: наявність бокових секторів та валів, що огинають його центр з західної та північно-західної сторін. Сам замок у класичному розумінні П. Гошкевича міг бути лише цитаделлю або навіть однією будівлею, на що вказують його конструктивні елементи: площа, товщина стін і т. п. Цілком імовірно, що фортифікаційні споруди неодноразово перебудовувалися.

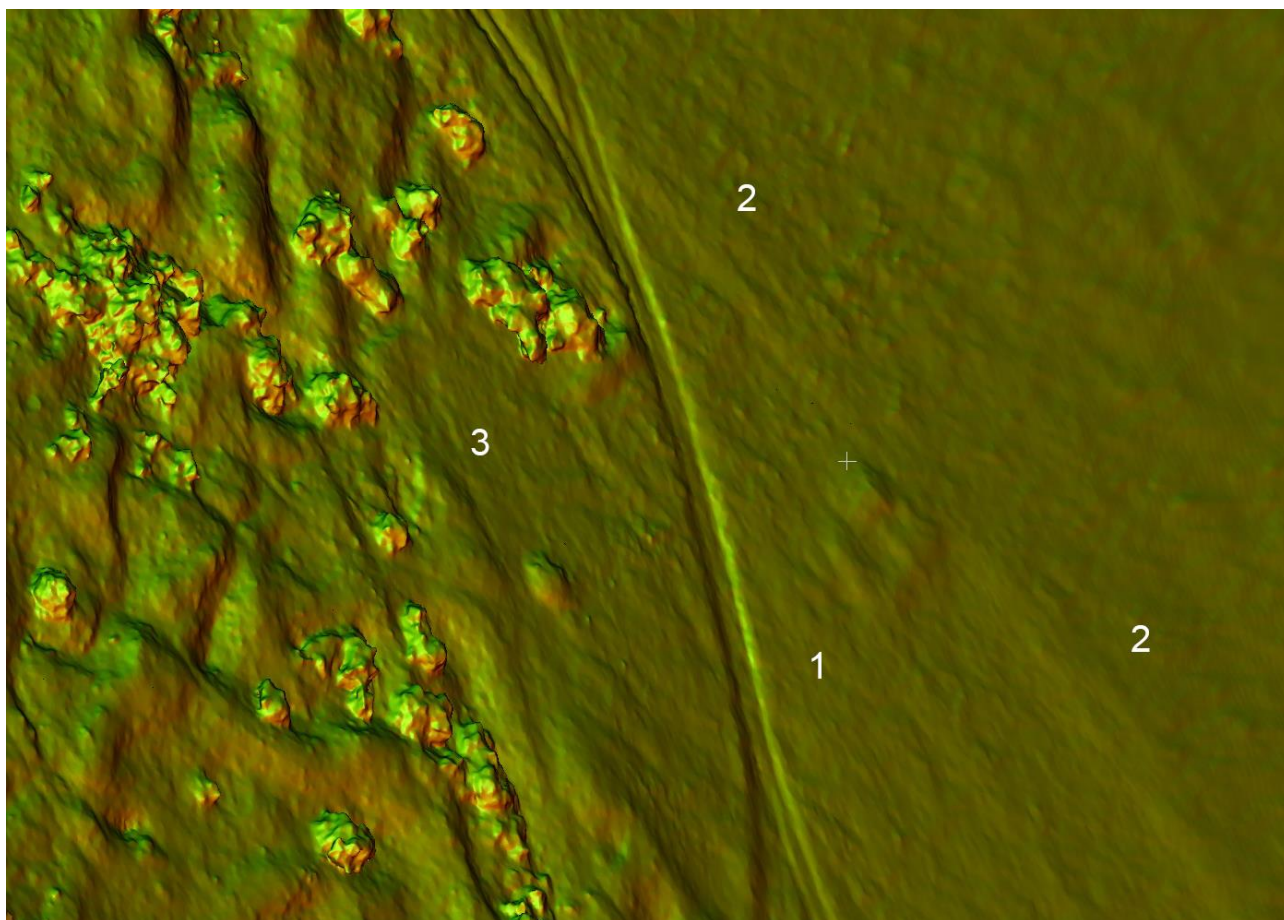
Ключові слова: Тягинь, Князівство Литовське, замок, Вітовт, фортифікація.

The paper presents new data on the medieval Tiagin fortress. Its physical condition, particularities of fortification and relief are analyzed. The author comes to the conclusion that the main damage to the monument was inflicted in the XIX century, when its ruins are widely disassembled by local residents. The observation results also indicate that the fortification system of the fortress can significantly differ from the one proposed earlier. Three-dimensional modeling revealed a more complex fortification system of both the castle itself and the adjacent territory, namely: the presence of lateral sectors and shafts that skirt its center from the west and the north-west sides. The castle itself, in the classical sense of P. Goshkevich, could only be a citadel or even one building, according to its structural elements: the area, the thickness of the walls, etc. It is probable that the fortifications were repeatedly rebuilt.

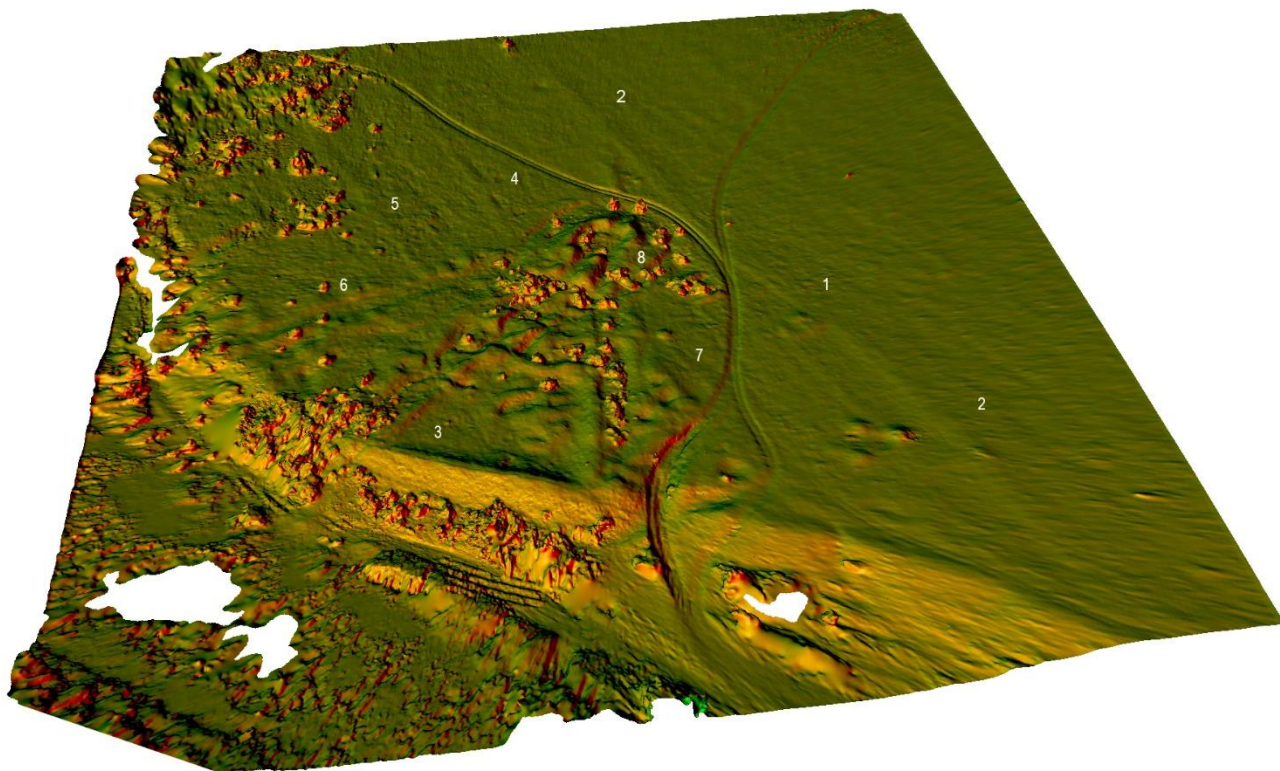
Key words: Tiagin, Principality of Lithuania, castle, Vitovt, fortification.

Схема укреплений на о. Тягинь по результатам съемки 2010 года.

Фотограмметрическая съемка «северной» башни и участка стены к северу от замка: 1 – «Северная» башня, 2 – участки стены, 3 – северный фас замка.

Укрепления замка по данным фотограмметрической съемки: 1 – «Северная» башня, 2 – вал, 3 – укрепление «Н», 4 – внутренний вал, 5 – восточный вал, 6 – южный фас замка, 7 – северный фас замка (сохранился частично), 8 – центральная квадратная башня.

Возвышенность №2. Съемка дроном с восточной стороны.

Западины и раскопы на территории городища.

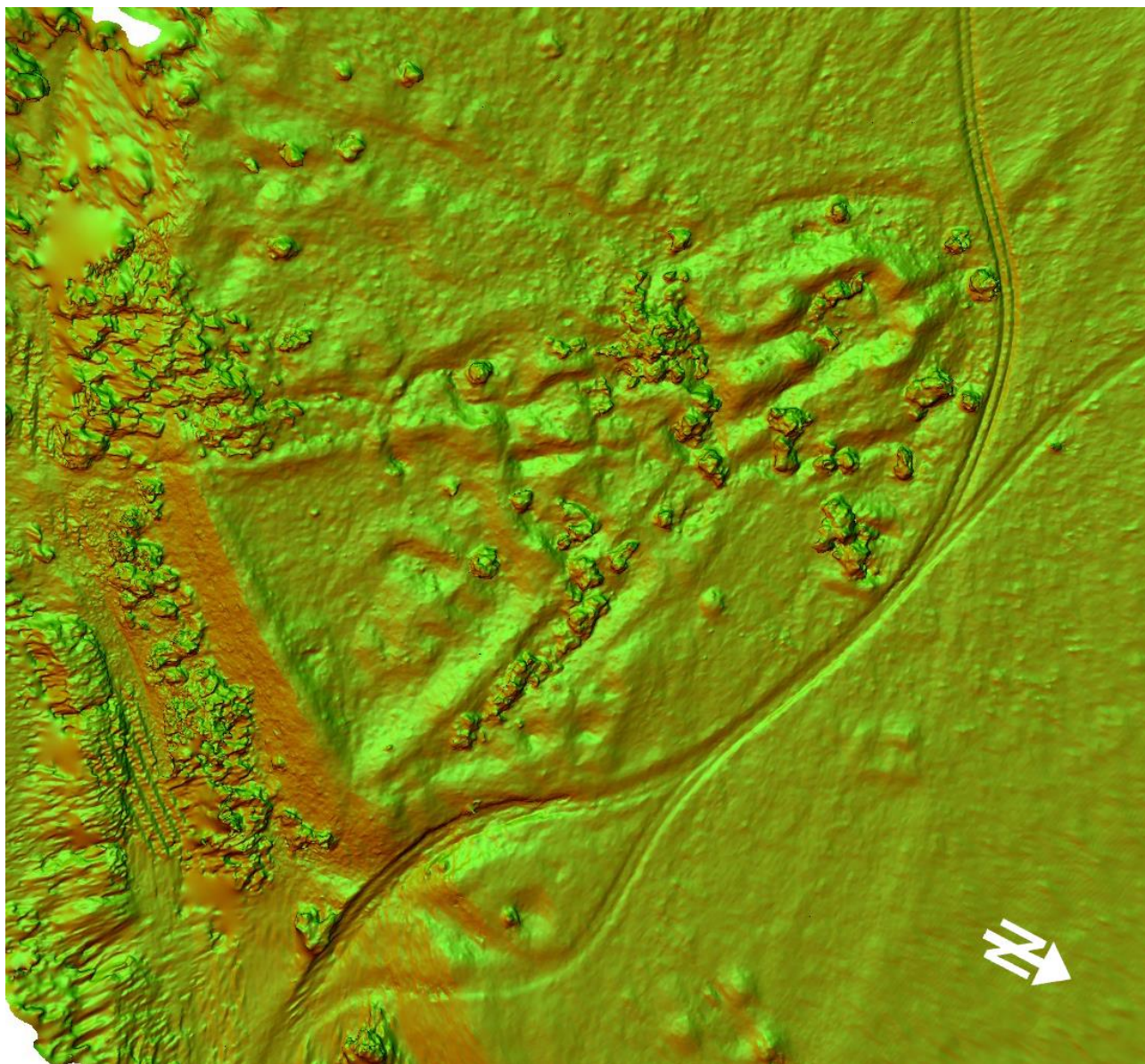
Западины и раскопы в северной части острова.

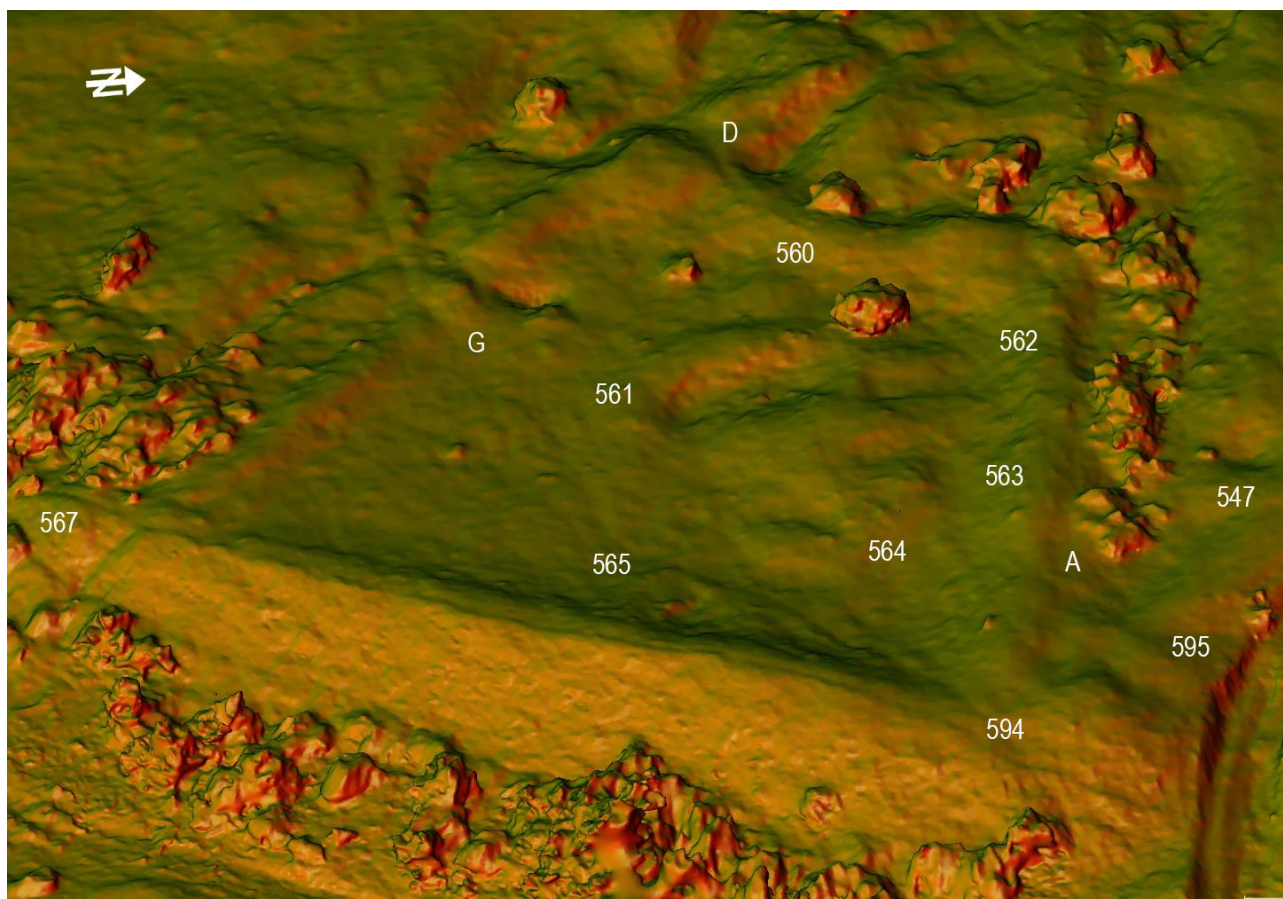
Западины и раскопы на территории замка и в его окрестностях.

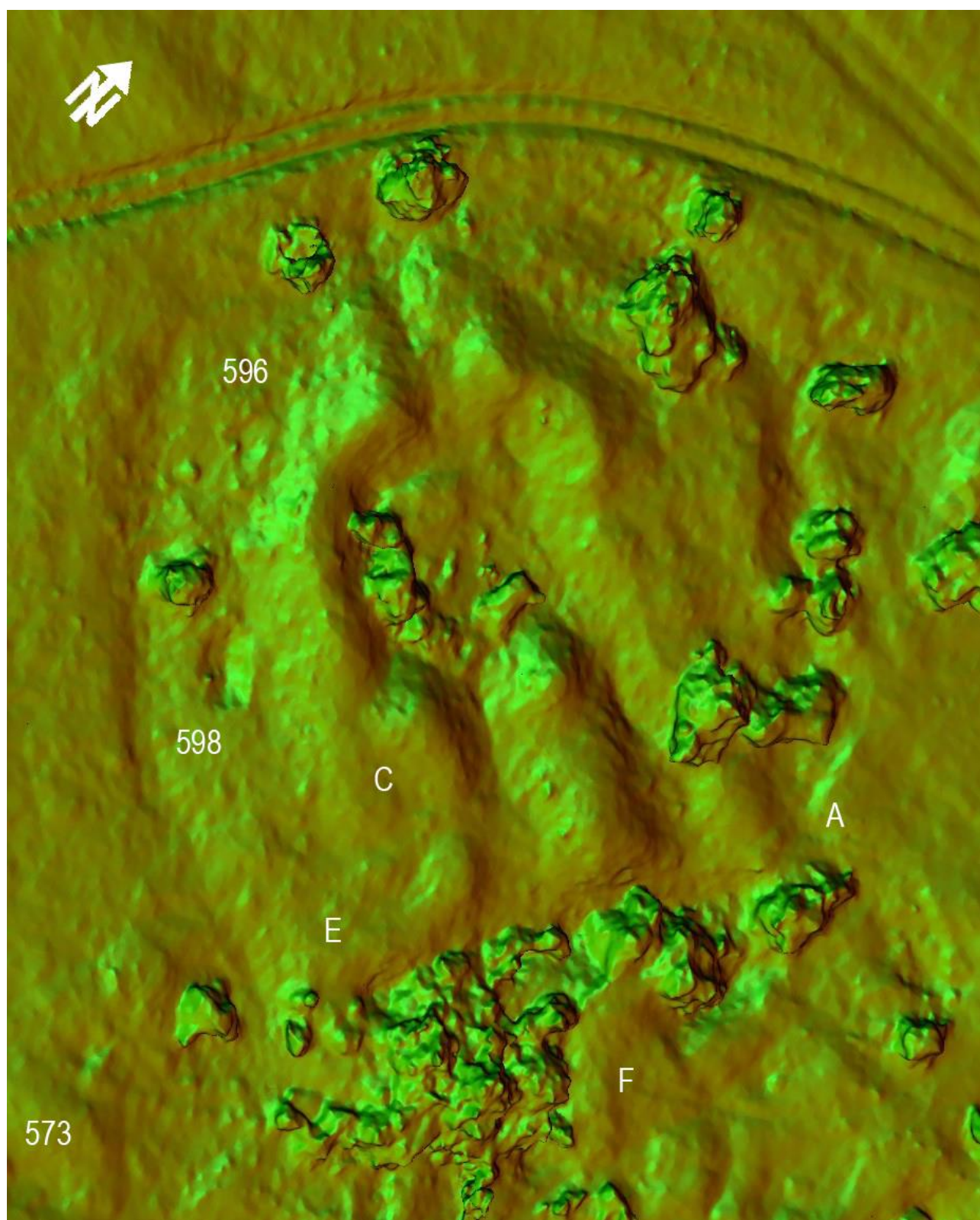
Вид на замок с юго-запада.

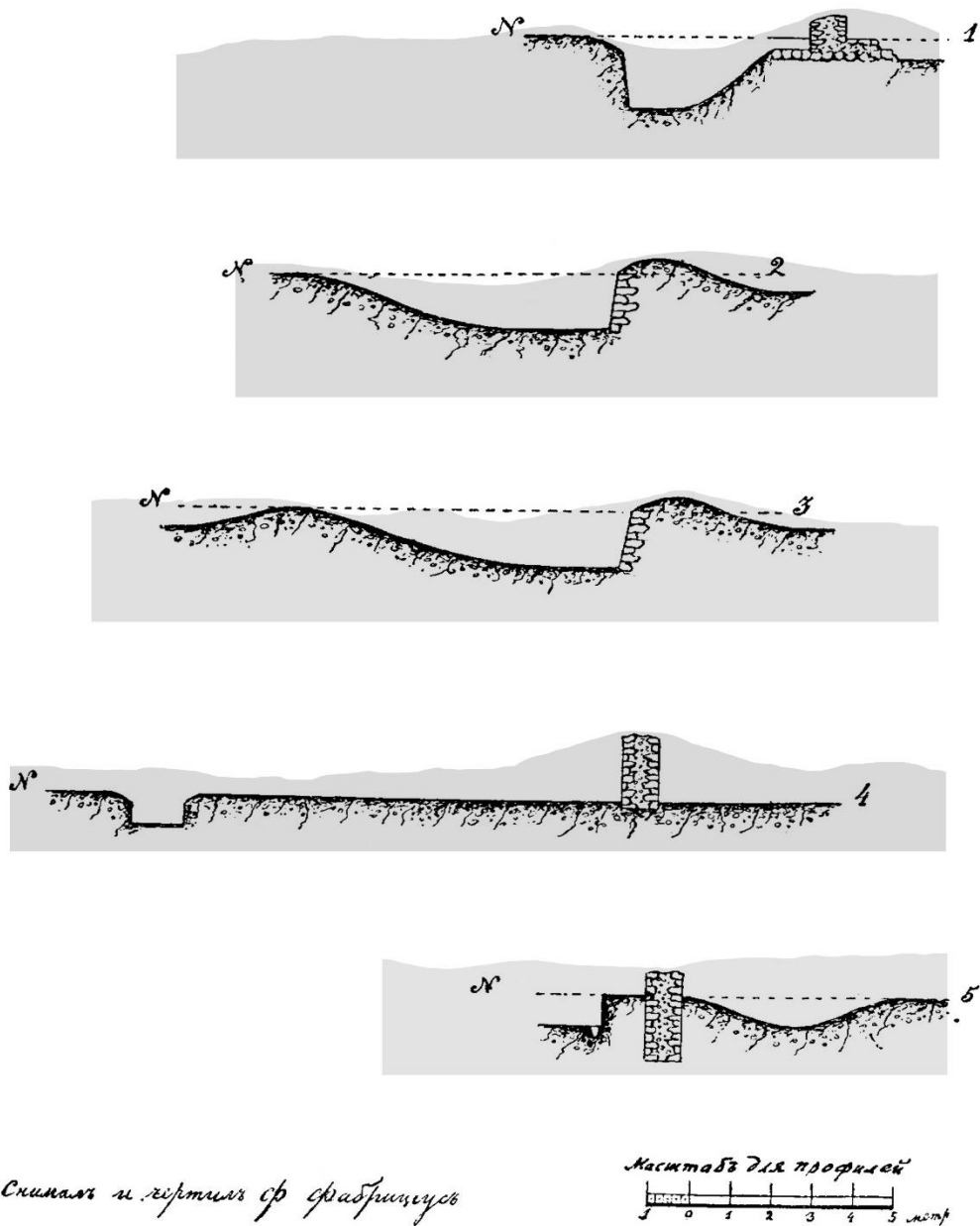
План замка по данным фотограмметрической съемки.

Вид на укрепление «Н» с восточной стороны.

План башни и прилегающей территории.

Сечения 2010 г. (серый контур) в районе разрезов В. Гошкевича 1914 г.